

DOI: 10.25178/nit.2022.1.8

Статья

Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира

Елена И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Биномы — устойчивые пары компонентов, неоднократно встречающиеся в паремиологическом пространстве и осмысляемые именно в паре, — являются важными составляющими тувинских пословиц. Они выражают ценные для культуры установки и наблюдения, фиксируют связи и зависимости — труда и вознаграждения, объема приложенных усилий и полученного результата, поспешности и ее последствий, источника и добываемого из него продукта и т. д. Бинарные структуры участвуют в оценке говорящими временных представлений — интервалов, сезонов, времен года и т. п., в отражении результатов наблюдений за миром природы, закономерности которого проецируются на мир человека.

Исследование основано на анализе паремий, извлеченных методом сплошной выборки из сборников «Тувинские народные пословицы и поговорки» (авт.-сост. И. Плоткина, А. Калзан), «Пословицы и поговорки тувинского народа» (авт.-сост. Б. К. Будун), в отдельных случаях соотносимых с аналогичными единицами русского языка из «Большого словаря русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко.

Проделанный анализ позволяет выделить этнокультурный компонент в семантике народных изречений. Он отражает своеобразие культуры, особенности семейных связей и отношений, ценность дружбы, социально значимые для тувинцев качества человека.

Ключевые слова: тувинский язык; языковая картина мира; паремия; пословичный бином; этномаркированное своеобразие; типология; ценностные представления

Для цитирования:

Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 115-130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Селиверстова Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. Тел.: +7 (812) 328-08-42. Эл. адрес: e.seliverstova@spbu.ru

SELIVERSTOVA Elena Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Acting Head, Department of Russian for the Humanities and Sciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7/9 University Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 328-08-42. Email: e.seliverstova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0003-2020-0061

Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University, Russian Federation

Stable pairs of components called binomials or binary structures are frequently encountered in the paremiological space and are always examined as a pair. For Tuvan proverbs, they are crucial as well, since they can represent culturally valuable observations and landmarks. They also record the connections and dependencies existing in the world around them – such as the ones between labor and reward, the amount of effort and the result obtained, haste and its consequences, the raw material and the end product, etc. Binary structures are involved in the speakers' assessment of temporal representations – intervals, seasons, natural cycles, etc., they are part of the observations of the world of nature, the laws of which are projected onto the human world.

Our study is based on an analysis of the paremies extracted by continuous sampling from the collections "Tuvan folk proverbs and sayings" (comp. by I. Plotkina and A. Kalzan), "Proverbs and sayings of the Tuvan people" (comp. by B. K. Budup), in some cases correlated with similar units in the Russian language as they appear in the "Grand dictionary of Russian proverbs", ed. by V. M. Mokienko.

The analysis of binary structures has allowed us to outline ethnocultural terminology within the semantics of popular wisdom of proverbs. They stand for the uniqueness of culture, emphasize the importance of family ties and relationships, the value of friendship, and personal qualities socially significant for Tuvans.

Keywords: Tuvan language; linguistic world picture; paremia; proverbial binomial; ethno-marked originality; typology; value representations

For citation:

Seliverstova E. I. Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 115-130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Введение

Лингвокультурологическое направление в изучении паремий, связанное с извлечением содержащейся в них информации культурного свойства, — сейчас, пожалуй, одно из наиболее востребованных: пословицы представляют собой проявление «социальной памяти», они содержат различные представления, существующие в этническом сознании говорящих и так или иначе «соотносимые с тем или иным культурным кодом» (Радбиль, 2019: 24).

Неслучайным поэтому является активное внимание, проявляемое к пословицам тувинского языка как объекту исследования. Они являют собой уникальный материал для определения яркого своеобразия художественно оформленных изречений, запечатлевших народные наблюдения за окружающим миром и человеком, для выявления в семантике языковых единиц «культурных наслоений» (Семенов, Шипицына, 2005: 44).

В тувинских пословицах представлены как паремиологические единицы (ПЕ), перекликающиеся с изречениями, выражающими интернациональные идеи — например, паремия *Тенек баш бут чова-*

дыр о дурной голове человека, от которой страдают его ноги¹, обнаруживающая многочисленные полные и частичные эквиваленты в других языках (см.: Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 225), так и порождаемые в результате сопряженности систем культуры и языка национально-маркированные ПЕ, отражающие панорамное видение мира и систему нравственных ценностей тувинцев. Ср., к примеру, яркое тувинское изречение *Ава кижы «төлүм» дээр, ажы-төлү «шөлүм» дээр*² букв. 'Думы матерей — дети (о детях), а мысли детей — степь (о степи)'.

Интерес к сбору, систематизации, изучению и теоретическому осмыслению паремиологического фонда тувинского языка становится в последние годы все более активным. При этом, однако, нельзя не заметить, что, обращаясь к проблеме национальной самобытности паремий — теме, безусловно, интересной и актуальной, — исследователи нечасто уделяют внимание особенностям структурно-логической организации ПЕ, понятийно-лексическому каркасу, лежащему в ее основе. Между тем, этномаркированность паремий проявляется и в их лексическом составе, и в характере связей между компонентами изречения.

Поэтому в фокусе нашего внимания в данной статье находятся тувинские пословицы, содержащие бинарные комбинации компонентов во всем их разнообразии, а целью является выявление в их составе основных типов биномов и тематической принадлежности составляющих их компонентов, свидетельствующих об актуальности номинируемых ими жизненных сфер — все это направлено на показ степени участия биномов в реализации образной и семантической структуры ПЕ, в формировании этномаркированного своеобразия паремии.

Паремийные биномы понимаются нами как сочетания (комбинации) двух компонентов в составе ПЕ, называющих предметы и явления окружающего мира, которые, будучи знакомыми и понятными говорящему, позволяют устанавливать связи и зависимости между ними, из которых в конечном итоге выводится смысл всего изречения. На них базируется концептуальное содержание пословицы. Повторяющиеся от ПЕ к ПЕ устойчивые комбинации элементов, связанные определенными семантическими отношениями (например, «хищник — жертва»: тув. *Кокайга хой кадартпа, хончуга сөс дыңнатпа* 'Волку овец не давай пасти, сплетнику не позволяй подслушивать'³ (Здесь и далее в цитатах выделено жирным шрифтом нами. — Е. С.)), свидетельствуют об ассоциативном восприятии окружающего мира носителями языка.

На уровне пословичных биномов проявляется их многовекторное осмысление в паремиологическом пространстве, символизация артефактов в фольклорной среде, вербализуются признаки отдельных концептов.

При анализе материала тувинского языка мы опираемся в данной статье на сведения, почерпнутые из нескольких сборников пословиц. Это и более ранние собрания паремий «Тувинские народные пословицы и поговорки»⁴, «Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки»⁵, и материалы тувинско-русского словаря под ред. Э. Р. Тенишева (Тувинско-русский ... , 1968), и наиболее представительный, вышедший сравнительно недавно, словарь «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020), вообравший в себя почти 800 паремий.

Тувинская паремика сквозь призму современной науки

Анализ паремии тувинского языка сквозь призму лингвокультурологии имеет под собой прочную теоретическую базу. Во-первых, подход к пословицам как единицам, хранящим и транслирующим культурную информацию, сегодня уже достаточно традиционен и реализуется многими исследовате-

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 52.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 34. О вербализации отношений между компонентами, составляющими пословичный бином со значением «хищник — жертва», см. подробнее: Селиверстова, 2009.

⁴ Тувинские народные пословицы и поговорки. 2-е изд. / авт.-сост. И. Плоткина, А. Калзан. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. 55 с.

⁵ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол; пер. с тув. С. В. Козловой. Кызыл, 1994. 78 с. (На тув. и рус. яз.).

лями — возглавившей лингвокультурологическое направление в изучении фразеологических единиц В. Н. Телия, связавшей использование пословиц и поговорок с «межпоколенческой трансляцией эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия, 1996: 9), М. Л. Ковшовой, считающей, что «образы в паремиях и идиомах являются ключами для прочтения исходных смыслов этнокультуры» (Ковшова, 2019: 388–389), отражающих народное мировоззрение, Н. Н. Семененко, объясняющей природу репрезентации в семантике ПЕ стереотипных элементов этноязыкового сознания существенными свойствами паремий и, в частности, — их функцией «репрезентации стереотипа в процессе коммуникации» (Семененко, 2014: 62), и др.

Лингвокультурологического направления в лингвистике придерживаются и исследователи тувинской паремии. Еще в 1994 г. в Предисловии к сборнику тувинских паремий «Мудрость народа» (Кызыл, 1994)¹, включающему 392 пословицы, авторы отмечают, что подобные единицы, отражая историческое прошлое и житейский опыт, особенности жизненного уклада и мировоззрения, поэтическую одаренность и коллективную мудрость тувинцев, служат «бесценным источником для этнографов, историков, философов и лингвистов»². Составители выделяют также художественные достоинства паремий, отмечают особенности их построения — противопоставления, аллитерации, простой, но выразительный язык, активное использование синтаксического параллелизма, позволяющего отразить специфику ассоциативного мышления тувинца.

Тувинские паремии отражают систему нравственных ценностей. По мнению А. М. Соян, в атмосфере определенных установок, вербализованных пословицами и служащих своеобразным «путеводителем по жизни», осуществляется формирование мировоззрения этноса³.

Изучение направленности гендерных стереотипных представлений, проявляющейся в тувинских ПЕ, позволяет исследователям увидеть различия в спектре интенций, стоящих за изречениями о мужчинах и женщинах и отражающих «традиционные семейно-родовые отношения, основанные на патриархальных установках» (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), проявление скрытого сексизма в отношении к женщинам и т. д.

Исследователи обращаются к комплексному описанию паремий как языкового явления и особенностей их функционирования. Так, Ш. С. Чадамба представила содержательный анализ способов передачи тувинских пословиц, использованных при переводе на русский язык художественных произведений тувинских авторов, — как тех единиц, что находят аналоговые соответствия в языке перевода, так и безэквивалентных единиц. Автором достаточно подробно показаны синтаксические особенности тувинских пословиц, характер их вариативности, способы введения в контекст и используемые стилистические приемы⁴.

Изучение особенностей тувинского фольклора позволяет исследователям отметить то общее, что связывает большие и малые фольклорные жанры и, в частности, особый сатирический пафос, проявляющийся в тувинских сказках и мифах о животных, в пословицах и поговорках. Анималистический культурный код — один из наиболее часто используемых элементов сатиры, он охватывает широкий пласт ПЕ в зоосемических компонентах. В тувинских сказках и в современной литературе очевидно проявление традиции: с одной стороны, сюжеты произведений строятся вокруг осмеиваемых образов животного мира⁵, а с другой — в тексты своих рассказов, например, писатель Т. Кызыл-оол (1970)⁶ включает фольклорные единицы — пословицы морально-нравственного

¹ Период активного внимания к теории фольклорных жанров и их особенностям отражен в обобщающей работе, посвященной устному народному творчеству тувинцев, где пословицам и поговоркам, утверждающим нравственные нормы — трудолюбие, патриотизм, взаимовыручку, дружбу, смелость, честность, отведен особый раздел, написанный З. Б. Самдан (*История тувинской ...*, 2013: 11–51).

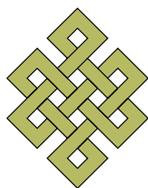
² Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол; пер. с тув. С. В. Козловой. Кызыл, 1994. С. 3.

³ Соян А. М. Нравственные ценности в пословицах и поговорках цаган-нурских и усинских тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 6 (61). 2016. С. 373–375.

⁴ Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 151 с.

⁵ Кужугет Ш. Ю. Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Тамбов: Грамота. № 7(85). Ч. 1. С. 1–6. DOI: <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

⁶ Кызыл-оол Т. Т. Сергеге шелдирипкен [Берегись козла]. Кызыл, 1970. 107 с. (На тув. яз.)

содержания: *Кижы болуру чажындан, аът болуру кулунундан* ‘Человеком становятся с детства (в детстве), лошадью — с возраста жеребенка’¹; *Өрелиг кижы өөделевес*² ‘У человека, имеющего долги, жизнь не улучшится’ и др. В сатирических рассказах о человеческих пороках используются и другие ПЕ, подчёркивающие актуальные для автора смыслы, например: *Баштай энир чээп алган үш рублиңни төлөп бергеш, ам чегдинип көрөм*³ ‘Сначала верни недавно занятые 3 рубля, потом проси денег’ и др.

Итак, ученые обращаются к пословицам как единицам, участвующим в отражении своеобразия языковой картины мира тувинцев.

Перспективность изучения тувинских пословиц на фоне иных языков

В поисках национально-маркированной специфики тувинской паремии исследователи принимают попытки сопоставления тувинских пословиц с афористическими единицами других языков — в направлении идентификации их яркого и несомненного национального своеобразия (Боллат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019; и др.).

Этот подход, используемый учеными при изучении родственных языков, позволяет обнаружить зафиксированные устойчивыми единицами этномаркированные сведения о носителях определенного языка и культуры⁴. Это убедительно доказывает Н. Р. Байжанова, обращаясь к метафорическим особенностям алтайских и тувинских пословиц и отмечая сходство в видах переноса и в спектре используемых образов — в частности, образов животных. Исследователь приходит к выводу о существенных различиях в направлениях их осмысления: по ее мнению, наблюдения за внешним обликом, повадками и поведением животных «по-своему преломляются в сознании носителей различных языков» (Байжанова, 2004: 62). Представление о хитрости связано в ПЕ обоих народов с образом лисы, а коварство — с образом змеи, однако установки, реализуемые с помощью этих образов, в двух культурах различаются (там же: 67). Отмечается также большая характерность для тувинских ПЕ, чем для алтайских, явления параллелизма в структуре изречений.

С другой стороны, лингвокультурная специфика, проявляющаяся в пословицах, становится особенно очевидной при сопоставлении паремийного материала отнюдь не родственных языков⁵. Так, например, ощутимые различия в закрепившихся в сознании носителей английского и тувинского языков культурных представлениях выявляет А. М. Салчак, обратившись к паремиям с зоонимом *волк / wolf*⁶.

Тувинская паремия становится сейчас объектом изучения на широком фоне европейских языков, что позволяет продемонстрировать наличие у тувинцев, во-первых, универсальных, вненациональных, представлений, совпадающих у носителей разных культур и языков, во-вторых — национальных вариантов общих для нескольких языков пословиц, свидетельствующих о типологическом сходстве ПЕ, и, в-третьих, — изречений, лакунарных для паремийфондов других языков (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Прикладную задачу типологического сопоставления исследователи видят в лексикографическом описании межъязыковых сходства и различий тувинских и европейских пословиц на уровне структурно-семантических моделей, ключевых понятий, пословичных образов (Бредис и др., 2021).

¹ Использованное писателем Т. Т. Кызыл-оол тувинское изречение и его перевод приведены в работе: Кужугет Ш. Ю. Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Тамбов: Грамота. № 7(85). Ч. 1. С. 1–6. DOI: <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Исследователи украинского и русского, белорусского и русского языков приходят к выводу о важности выявления особенностей содержания устойчивых единиц языка на фоне материала родственных языков (Колоіз, Малюга, Шарманова, 2014: 54), поскольку возможность увидеть национально-культурное своеобразие паремий, их структурную и семантическую специфику не зависит от степени близости родственных языков (Иваноў, 2011). Этому же принципа придерживаются и иные авторы работ, рассматривавшие ПЕ родственных языков и убедительно показавшие их национально-маркированное своеобразие (Ломакина, Мокиенко, 2016, 2018; Николаева, 2010; Селиверстова, 2019; Lomakina, 2021; и др.).

⁵ См., в частности, работы: Бредис, 2019; Зиновьева, Пи Цзянькунь, 2016; Нелюбова, 2019; Нелюбова, Хильт-бруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, Семина, Казлаускене, 2020; Селиверстова, Чэнь, 2019; У Вэй, 2012; и др.

⁶ Салчак, А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019. С. 25–26.

Если вопрос о статусе ПЕ как языковой единицы и ее особенностях можно считать в настоящее время решенным¹, то освещение лингвокультурологического потенциала паремий, их способности к фиксации весьма разнородных сведений о мире, окружающем носителей определенных языка и культуры, — по-прежнему весьма востребованный аспект изучения устойчивых единиц языка. Приведенные нами векторы научного подхода к изучению пословиц могут служить иллюстрацией их актуальности — особенно как материала, позволяющего выявить ментальные установки и стереотипы, «выражаемые в типовых контекстах ПЕ смыслы и когнитемы, формирующие смысловую модель паремии» (Семененко, 2014: 62).

Тем не менее, в области изучения паремии тувинского языка недостаточно, как нам представляется, работ обзорного характера, в которых — в результате анализа обширного материала — делались бы выводы не частного, а обобщающего характера и очерчивался спектр наиболее важных для носителей культуры жизненных сфер, расставляемых акцентов, особенностей логических структур в рамках паремии и лингвистических способов вербализации выражаемых смыслов.

Важной составляющей лингвокультурологического исследования является выявление вербализованной пословицей установки — операциональной единицы, позволяющей выявлять своеобразие в осмыслении носителями определенной культуры вещей и отношений в окружающем мире. Так, идея нелюбви к невестке является интернациональной — с разной степенью детализации она представлена в ПЕ многих языков², и, следовательно, неудивительно, что она обнаруживается в тувинском языке. Однако специфика наблюдения, сделанного в отношении невестки тувинцами — ср. *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр* 'Половодье даже крепкие берега размывает, наговоры и трудолюбивую невестку портят'³, — состоит как в указании на нередкие неоправданные обвинения невестки, сулящие испорченные отношения, так и в самом оформлении изречения, где образно-метафорическая часть служит дополнительным аргументом в пользу высказанного суждения.

Выражение уверенности в надежности жизненного опыта, вербализуемое обобщающей фразой «Опытный не подведет» — 'О человеке, чей возраст не мешает ему качественно исполнять привычное действие', также обнаруживается во многих языках — в русском (*Старый ворон не каркнет мимо*), английском (*An old dog barks not in vain*), тувинском (*Бөрү кырыза-даа, джи чидиг* 'Даже если волк старый, зуб — острый'⁴) и др. — и может реализоваться в разных культурах с использованием близких образов; ср. общность в вербализации идеи русскими и тувинцами: *Старый конь борозды не испортит; Кыргызан аът орук часпас* 'Старый конь не собьется с пути' (Тувинско-русский ... , 1968: 278), хотя здесь нельзя не заметить, что образ пахоты как привычной для коня работы в ПЕ тувинского языка отсутствует, что оправдано привычным для тувинцев кочевым образом жизни.

Общность с другими языками и культурами или же национально-маркированные отличия лингвокультурных установок, в которых проявляется народная мудрость тувинцев, может быть выявлена не только на уровне изречений как целостных единиц, но и на уровне их фрагментов — комбинаций пословичных компонентов, составляющих образную и содержательную основу посло-

¹ Общепризнанными являются такие черты ПЕ, как синтаксическая структура законченного высказывания, оформленной единицы мысли (Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с. С. 11), обобщенность и способность служить знаком типизированных ситуаций и моделей поведения (Пермяков, 1988: 14; Селиверстова, 2002), назидательность, опирающаяся на накопленный этносом опыт наблюдения за окружающим миром (Чернышева, 1997: 78), хотя и не всеми она признается в качестве определяющего свойства ПЕ (Баранов, Добровольский, 2001: 81–82), принадлежность ПЕ к ключевым текстам фольклора, содержащим основные мотивы устного народного творчества, и тесно связанная с этим специфическая художественная форма и тропо-лексическое оформление (Крикманн, 1978: 88, 92), эмоционально-дискурсивное использование (Паремнология без ... , 2020: 39). В последнее время лингвистическая квалификация ПЕ все чаще приобретает ярко выраженный комплексный характер (Бредис, Ломакина, Мокленко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020).

² Ср. русскую ПЕ *Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает* и китайские изречения *婆婆打媳天下有*. (букв. 'Свекровь бьет невестку — это обычное явление'), *一個媳婦十個婆婆*. (букв. 'За одну невестку можно отдать десять свекровей'). О реализации этой идеи в ПЕ других языков см. подробнее в: *Seliverstova, 2020*.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 31.

⁴ Там же. С. 93.

вицы. В лингвокультурологическом плане важны и такие особенности ПЕ, свидетельствующие об их специфичности, как средства и способы вербализации пословичной идеи и представления повторяющихся жизненных ситуаций — к этому нас подводят наблюдения за явлением денотативной манифестации элементов содержания, из которой в итоге вытекает смысл паремии как целого.¹

Реализуя логико-структурный подход к изучению пословиц, Г. Л. Пермяков (Пермяков, 1988) ввел понятие «обобщенных сущностей», «вещей», способных — при общем семантическом звене — быть материально представленными разнообразными наборами лексических компонентов, номинирующих разные артефакты. Так, представление о необходимом ремесленнику-умельцу инструменте может у русских вербализоваться с участием таких компонентов, как *шило, топор, клещи, молоток, долото* и др. В ПЕ, отражающих характер привычных занятий тувинца, подобных наименований не так много — и это объясняется экстралингвистическими причинами — кочевым образом жизни этноса. Чаще фигурирует, в частности, нож (*Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое'² и др.), а тувинская женщина «вооружена» не прялкой, а иглой и ножницами (*Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг оттук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с напёрстком, сын — нож с огнивом'³; *Инези чидигде — шевер, хачызы чидигде — каас* 'В остроте иголки — наряд, в остроте ножниц — мастерство'⁴. Нельзя не заметить, что важное качество инструмента — его острота — рассматривается как залог успешной работы в ПЕ обоих языков (ср. рус. *Острый топор и дуб рубит*; тув. *Доңгурактан даңгырак чидиг, тоолайдан таалай чүгүрүк* 'Клятва ножа острее, зайца молва быстрее'⁵), и, следовательно, аналогична устанавливаемая носителями разных языков и культур связь между предметом (инструментом), его качеством и потенциальной результативностью занятия⁶. Наименования «обобщенных сущностей», составляющие денотативную основу ПЕ, могут участвовать в выражении весьма разных смыслов, поэтому нельзя однозначно прогнозировать, даже при известном количестве повторений этих составляющих, конечный смысл ПЕ, «его приложимость к единственно возможной ситуации» (Крикманн, 1978: 86). Как показывает спектр современных научных направлений, осуществляемых с привлечением материала тувинской паремии, лингвокультурная составляющая этих единиц весьма перспективна как объект изучения. Не следует при этом упускать из виду, что своеобразием отличаются не только выражаемые паремиями прескрипции, но и показанные в них ситуации и, безусловно, способы и средства выражения заключенной в пословице мысли.

Антонимические отношения между частями биномов

Итак, обратимся к выявлению и анализу основных разрядов биномов⁷ в составе тувинских пословиц, их тематической принадлежности и некоторых особенностей их лексической вербализации.

В тувинских пословицах широко представлены различные типы биномов, заметное место среди которых занимают пары компонентов, связанных **антонимическими отношениями**⁸ — эта связь является одной из наиболее частотных в паремике: прием показа положительно маркированного предмета или явления окружающего мира на фоне отрицательного позволяет сделать очевидной расстановку акцентов в системе ценностей носителей языка. Тувинские ПЕ демонстрируют большое разнообразие противопоставлений, связанных с различными семантическими сферами.

¹ Например, в ПЕ с выраженной в обобщенном виде универсальной установкой «Плохое малое (маленькое) может испортить большое хорошее» (ср. рус. *Ложка дегтя портит бочку меда*) очевидно противопоставление двух пар компонентов, представляющих, во-первых, сопоставляемые объекты с их коннотативно-оценочными характеристиками (*деготь — мед*) и, во-вторых, объемы (размеры) этих объектов (*ложка — бочка*). Будучи единицами формального уровня, эти пары компонентов, между тем, представляют собой «пики аллегории» в метафорической структуре ПЕ (Крикманн, 1978: 92).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 21.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Логико-структурные особенности и универсальные, внациональные, типы пословиц рассматриваются и в работах М. Кууси (см., в частности: Кууси, 1978).

⁷ На материале русского языка типология биномов была представлена в монографии Е. И. Селиверстовой (Селиверстова, 2017).

⁸ Серьезное внимание уделено контрасту как одному из наиболее ярких явлений в паремике и стилистическим функциям семантически контрастных компонентов пословиц в работе Т. Г. Бочинной (Бочина, 2002).

Это, например, временные понятия: *Эртем чокта, эртен база дүн* — букв. 'Без знаний (Отсутствие знаний) **утро** — **ночь**'¹; *Кышты хыраазындан билир, чайны шалыңындан билир* 'Зиму опознают по инею (наледи), **лето** — по росе'²; *Кышты чайындан билир, чайны кыжындан билир* 'Зиму определяют по лету, **лето** — по зиме'³;

понятия, связанные с пространством и дистанцией: *Чоокка чованчыг, ыракка ыянчыг* 'Близкое (ближнее) неловко, **дальнее** (далекое) стыдно'⁴; *Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр* 'Две горные вершины **близко** будут — не сойдутся, два человека **далеко** будут — увидятся'⁵.

Достаточно разнообразны в паремиях вербализации контрарных размерных понятий: это не только частотные прямые номинации с помощью пары компонентов *большой* — *маленький* (ср.: *Күзээр болза, хүлбүс-даа бичелей бээр, күзээр болза, хүлчүк-даа улгады бээр* 'Захочешь — косуля **маленькой** станет, захочешь — мошкара **большой** будет (увеличится)⁶; *Биче чалгаа улуг чалгаага чедер* 'Маленькая лень до **большой** дорастёт» (Тувинско-русский ..., 1968: 513) и др., но и метафорические реализации представлений о большом и малом. Ср.: *Бодунуң бажында теве көрбейн, эжиниң бажында тевене көрген* 'На своей голове **верблюда** не увидел, у товарища на голове **иголку** заметил' (там же: 409); *Даг дег караны довук дег ак базар* — букв. «Белизна с **коленную чашечку** подавит **черноту**, подобную **горе**»; *перен.* 'Маленькая правда победит большую ложь' (там же: 166).

В паремии *Кижити сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымчак* 'Человеческая душа — **твердый** камень, **мягкая вата**'⁷, построенной на ярком сравнении, используются две пары контрарных компонентов: в прямом смысле противопоставляются физические свойства предмета (твердость / мягкость), а в переносном — черты характера человека, его душевные качества — иногда противоречивые.

Прием лексического контраста используется в тувинских изречениях для противопоставления ключевых в любой ментальности представлений:

— о добре и зле, о хорошем и плохом; эта аксиологическая антиномия — одна из важнейших в паремике. Помимо отвлеченных суждений о категориях плохого и хорошего — ср. ПЕ *Бак келзе, туттунма, эки келзе, салдынма* 'За **плохое** не держись, **хорошее** не отпускай'⁸; *Бакты көрбейн, экини үнелээри берге* 'Не увидев **плохого**, трудно оценить **хорошее**'⁹; «*Бар*» дээн — *багай*, «*кел*» дээн — *эки* 'Говорят "уходи" — **плохо**, говорят "приходи" — **хорошо**'¹⁰ и др., тувинское паремииологическое пространство располагает единицами, рисующими модели достойных и недостойных поступков, моделей поведения, черт характера: *Экиниң чуртунга ыяш чыдар, бактың чуртунга баг чыдар* 'От **хорошего** хозяина у юрты дрова остаются, от **плохого** — обрывки аркана лежат (валяются)¹¹; *Мал алазы чараш, кижити алазы багай* 'Скот пёстрый — **хорошо**, человек двуличный — **плохо**'¹²; *Кижити экизи — хүн, кижити багы — чылан* 'Добрый (гуманный) человек — **солнце**, скверный человек — **змея**'¹³; *Чарары белен, чазаары берге* 'Разбить **легко**, поправить (соединить) **трудно**'¹⁴;

— о жизни и смерти: *Кижити өлүр, алдар өлбөс* 'Человек **смертен**, слава **бессмертна**'¹⁵;

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 77.

² Там же. С. 111.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Там же. С. 107.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 76.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 33.

— о труде и лени: *Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу 'Передовику (Трудолюбивому) — почёт, ленивому — насмешка'*¹; *Кежээ кижги «ма» дээр, чалгаа кижги «кай» дээр 'Трудолюбивый говорит "на", лентяй — "дай"'*²;

— об удаче и невезении: *Мурнаанның мөрүзү, соңнаанның шорuzu 'Опередившему повезло (сопутствует удача), опоздавшему — не повезло (невезенье)'*³; *Барзыңза мөрүң, бабрабыңза шоруң 'Пойдешь — (будет тебе) удача, не пойдешь — (будешь) сам виноват' (Тувинско-русский ..., 1968: 302) и о многом другом;*

— о богатстве и бедности: *Бай мен дээш бардамнава, яды мен дээш муңгарава 'Богатством не кичись, бедности не стыдись'*⁴; *Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ 'Хуураков⁵ больше — бедность ближе, жеребят больше — богатство ближе'*⁶; *Ядыны бай кээргевес, байны яды кээргевес 'Богатый бедного не жалеет, бедный — богатого'*⁷) и т. д.

С отражением религиозно-мифологической картины мира тувинцев связаны ПЕ *Танывазы бургандан танывазы аза дээр* 'Неизвестный бог хуже незнакомого чёрта'⁸; *Азага кыскаш-даа эвес, бурганга чула-даа эвес 'Ни чёрту щипцы, ни богу лампада'*⁹ (ср. рус. аналог *Ни Богу свечка, ни черту кочерга*) и о многом другом.

В пословицах представлены противопоставления и иных параметров и характеристик предметов и явлений: *Эштиң эргизи эки, эттиң чаазы херек 'Друг старший хорош, одежда новая нужна'*¹⁰; *Улугну хүндүлээр, уругну азыраар 'Старшего уважай, малого (ребенка) воспитай'*¹¹; *Хөй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок 'Много слов — прибытка нет, мало слов — убытка нет'*¹² и др.

Вербализуются тувинцами и актуальные для паремии любого языка отношения «Свое — чужое» (*Чаваа-даа бол, ады херек, чалчай-даа бол, эзери херек 'Хоть стригун, но надо иметь своего коня, хоть седло плохое, да не чужое'*¹³ и «Родное — чужое» (*Өскен чери — төрээн ие, өскелерниң — соңгу ие 'Родная земля — мать, чужбина — мачеха'*¹⁴), в которых приоритетным является, безусловно, свое собственное, пусть даже худшее по качеству; противопоставление черного и белого цвета, традиционно осмысляемое как в прямом, так и в переносном значении — для акцента на ценностных представлениях носителей культуры: *Кара черни хар агартыр 'Чёрную землю снег забелит'*¹⁵; *Кижги сеткили хардан ак, хөөден кара 'Душа человека снежной белизны, сажи темнее (сажа черная)'*¹⁶ — интересно, что противопоставление черного (негативного) белому (светлому) осуществляется на счет удвоения семантики позитивного: глагол и прилагательное дополнительно акцентируют ставшую символической белизну снега.

Мы видим, что в антонимические отношения могут вступать в составе ПЕ как принадлежащие к разным частям речи словарные антонимы (*богатство — бедность, свой — чужой* и др.), так и компоненты, в строгом смысле слова антонимами не являющиеся (*утро — ночь, бог — черт*). Однако активность противопоставления как способа выражения паремийных смыслов несомненна. Это оправдано и самой природой паремии, нередко выражающей прескрипцию методом отрицания негодного, неодобряемого.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа/ авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 164.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Хуурак — ученик-послушник при ламе.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа/ авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 60.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 105.

¹⁶ Там же. С. 107.

Хотя среди лексических комбинаций компонентов в составе ПЕ контрастные пары занимают видное место, только лишь ими характерные паремийные биномы не исчерпываются.

Синонимические отношения в рамках бинома

Отношения синонимии между частями бинома представлены в тувинских ПЕ весьма своеобразно. Языковых синонимов здесь немного: *Кижини дыштыг, аът туруштуг* ‘Человек должен **отдохнуть**, лошадь — **передохнуть**¹; *Эки дарган эргээн какпас, уран кыс удазынга ораашпас* ‘**Хороший** кузнец по пальцу не ударит, **искусная** швея нитки не запутает’ (Тувинско-русский ..., 1968: 609).

Чаще в качестве синонимичных выступают компоненты, которые представлены в разных частях синтаксически сложного целого и, участвуя в реализации семантико-синтаксического параллелизма, выражают близкий смысл. Контекстуально сближаются по значению — во многом за счет синтаксического параллелизма — составляющие бинома в ПЕ *Дазылдыг-даа болза, турлур, дагалыг-даа болза, таяр* ‘Хоть и крепкое дерево — **пошатнётся**, подкованный конь — **поскользнется**². Общим семантическим звеном для компонентов *турлур* (‘шататься’) и *таяр* (‘поскользнуться’) становится представление о возможной ненадежности того, что кажется прочным. В паремии *Сураанып тып алыр, күзээнин чедип алыр* ‘Будешь искать — **найдешь**, захочешь — **добьешься** (желанное **появится**)’ (там же: 269) семантика достижения результата, к которому кто-либо стремится, выражается глаголами, намеренно сближаемыми в рамках изречения.

Примеры показывают, что формированию биномов с синонимическими отношениями между компонентами во многом способствует особая логико-синтаксическая структура ПЕ, состоящая из двух параллельных частей, реализующих отношения аналогии.

Отношения тематической общности между частями бинома

Весьма представительна группа ПЕ, основанных на биномах, образуемых тематические близкими компонентами³; ср., например, использование пары компонентов, входящих в группы:

— наименования животных (*Сааның чок-даа болза, саваң белетке, ағдың чок-даа болза, аргамчың белетке* ‘Хотя **коровы** нет — ведро припаси, хотя **коня** нет — аркан приготовь⁴ и др.);

— наименования продуктов питания и блюд (*Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* ‘Лучше сегодня — **ливер**, чем завтра — **сало**⁵; *Хөй сөстен быдаа болбас — көже биле эът херек* ‘Из болтовни **супа** не сварить — нужны **крупы** и **мясо**⁶ и др.);

— наименования родственников, причем это касается и некровной родни: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* ‘Без **отца** — полусирота, без **матери** — круглый сирота⁷; *Кижиниң малы саарында таңмалыг, кулаанда имниг, кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг* ‘Скот у хозяина имеет тамга (тавро) на боку, отметину на ушах, **жена** у **мужа**⁸ имеет кольцо на пальце, серьги в ушах⁹; *Катының эргинин артап, кат-иезин арнын көрүп таныжар* ‘Знакомятся, переступив порог **тестя**, увидев лицо **тёщи**¹⁰ и т. д.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 106.

² Там же. С. 24.

³ Различным подвидам этих биномов в русских ПЕ отведена отдельная глава в монографии Е. И. Селиверстовой (Селиверстова, 2017).

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 48.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ В данном случае нельзя не отметить своеобразия ПЕ: бинарность в ней ощущается скорее на понятийном уровне, поскольку семантика ‘жена’ вербально представлена компонентами *кижиниң кижизи* (букв. ‘человек (у) человека’); ср. рус. *мужнина жена, жена у мужа*.

⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 107.

¹⁰ Там же. 105.

Особой частотностью отмечен бином «родитель (отец, мать) — ребенок (дети, сын, дочь)», что позволяет говорить о важности межпоколенческих связей в тувинской семье: *Ада кижжи оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр* 'Отец гордится сыном, а павлин — хвостом'¹; *Адазынга кызы чассыг, авазынга анай чассыг*² 'Дочка к отцу ластится, козлёнок (т. е. 'дитя') — к матери (тянется)' и др.

Широко представлены в тувинских ПЕ биномы, демонстрирующие проявление телесного кода в осмыслении окружающего мира: *Баш киргенде, хөрөк эрте бээр* 'Где голова пролезла, грудь и подавно пройдёт'³; *Хырны тотса-даа, караа тотпас* 'Живот сыт, а глаза голодны'⁴; *Бодуңну бодуң бил, мойнуңну бажың билзин* 'Что делать с собой, сам знай, пусть голова твоя управляет шеей'⁵; *Карактыгда көрүп каар, кажыктыгда кылаштай бээр* 'На то и глаза, чтобы увидели, а ноги, чтобы дошли'⁶ (букв. 'Имеющий глаза смотрит (зрячий), имеющий ноги ходит'); *Караан хаптап албаан, кулаан кумнап (элезиннеп, дуглап) албаан* 'Глаза не закрыты мешком, уши не забиты песком'⁷ и др.

Биномы часто фиксируют связь вещей, «соседствующих» в жизненном пространстве, используемых в повседневной жизни, функционально связанных. Так, наблюдения за хорошо знакомой человеку собакой послужили основанием для появления в ПЕ таких биномов, как «собака — палка», «собака — кость», «собака — двор» и др. *Ыт коданынга ынак* 'Даже собака привязана (к своему) двору'⁸; *Ийи ыт аразында сөөк кагба, ийи кижжи аразында сөс сөглөвө* 'Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей ссоры не затевай'⁹; *Ыт мойнунда хендир чыдывас* 'Ошейник на шее собаки никогда не сгниёт'¹⁰ и т. д.

Образ коня не только поэтизирован в тувинском фольклоре (это, в частности, обязательный «ат-рибут» сказочного богатыря), но и рассматривается в паремиологическом пространстве сквозь призму прагматики; в этом проявляются черты бытовой жизни тувинцев¹¹: *Эртежи кижжи эзерлиг азтка таваржыр* 'Кто рано утром встает, коня с седлом (осёдланного) повстречает'¹². Для человека, привычного к верховой езде, важным является все, что связано с конем: *Азм өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар* 'Конь падет — коновязь останется, отец умрет — сын останется'¹³; *Кыдыг мал мал боор, кыдыг кижжи кижжи боор* 'И последний жеребенок конём станет, и бедный — человеком станет (в люди выйдет)¹⁴; *Эки эзер азтка чарааш, эскит чок тиг хепке чарааш* 'Хорошее седло украшает лошадь, искусный узор — одежду'¹⁵; *Белекке бергенде, бе-даа, азм-даа дөмей* 'Когда дарят, не смотрят — конь или кобыла'¹⁶ и др. Седло — залог успеха многих действий и поступков тувинца — следует рассматривать как культурное наслоение в семантике многих ПЕ. Кочевой образ жизни — а дорога, по Г. Гачеву, есть «путь жизни» кочевника, его «главный символ»¹⁷ — во многом объясняет и отсутствие в лексическом инвентаре тувинских ПЕ названий предметов кухонной утвари, дворовых построек, инструментов для

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ С конем у тувинца связаны не только разные стороны жизни, о чем свидетельствуют этнографические материалы, но и фольклорное, сакрально-мифологическое осмысление его образа. См. подробнее: Даржа, 2003.

¹² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 77.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 76. Интересно, что способ езды на лошадях в русской культуре отразился в активности иного паремийного бинома «лошадь/конь — хомут»; ср.: *Красив конь упряжью, да в хомуте; Не конь, так и не лезь в хомут! Счастье — не конь: хомута не наденешь; Усталому коню хомут не хомут* и др.

¹⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 91.

¹⁷ Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с. С. 210, 225.

сельскохозяйственных работ и проч. — все это плохо сочеталось с необходимостью перевозить свое имущество с места на место.

Биномы с отношениями тематической близости между компонентами фиксируют разнообразие связей между понятными и близкими для носителей культуры реалиями (зависимость одной от другой, их «соседство» в пространстве, сходство выполняемой функции и т. д.) и составляют арсенал средств, обретающий некоторое постоянство в паремиологическом пространстве и обеспечивающий доступность выражаемых пословицами мыслей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что важная составляющая ПЕ – представленная двумя компонентами структура, между частями которой обнаруживаются разнообразные связи и отношения, служит в тувинских паремиях,

во-первых, задаче выражения основных идей — философских, являющихся результатом размышлений над происходящим вокруг, или прагматических, предписывающих правильные модели поведения в социуме — например, проявление предусмотрительности, рачительности, трудолюбия и т. д.;

во-вторых, помимо участия в реализации функции передачи от поколения к поколению народной мудрости в виде лингвокультурных установок и ценностных приоритетов, бинарные структуры — как фактом своей частотности в паремиологическом пространстве языка, так и разнообразием смысловых связей, возникающих между частями бинома, — показывают важность затронутых в паремике концептов — таких, как *аът* ‘конь’, *иш* ‘работа’, *ава* ‘мать’, *өг* ‘юрта’, *чем* ‘пища, еда’, *эш* ‘товарищ, друг’ и др., различные их стороны и признаки, важные для носителей языка и культуры.

Бинарные структуры демонстрируют запечатленный в художественной форме образный этно-маркированный «репертуар» тувинцев (образ *даг* ‘гора’ — знак чего-л. большого, значимого; символически представленное препятствие, затруднение; «ладность, ухоженность» коня (*аът*) — свидетельство рачительности хозяина; *аргамчы* ‘аркан’ — необходимый атрибут; *дүн* ‘ночь’ — символ темного, нежелательного, опасного и т. д.) и типичный лексический инвентарь, в том числе — названия национально-окрашенных реалий (*аал*, *лаң*, *өг*, *кидис* и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Вып. 14. Новосибирск : НГУ. 236 с. С. 60–72.

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2001) Речевые формулы в Тезаурусе русской идиоматики // *Frazeografia słowiańska* / red. naukowa M. Balowski i W. Chlebda. Opole : Uniwersytet Opolski. 582 с. С. 79–92.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2002) Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 196 с.

Бредис, М. А. (2019) Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское Востоковедение. 296 с.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / отв. ред. Г. Н. Курбатский. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 154 с.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Егорова, А. И., Чочкина, М. П., Сарбашева, С. Б. (2019) Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2. С. 51–63. DOI: <https://www.doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-51-63>

Зиновьева, Е. И., Пи Цзянькунь (2016) Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. № 1 (7). С. 18–24.

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

История тувинской литературы (2013) : в 3-х т. / науч. ред. А. Л. Кошелева. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук. Т. 1. 266 с.

Ковшова, М. Л. (2019) Идиомы и паремии с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 387–404.

Крикманн, А. А. (1978) Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 82–104.

Кууси, М. (1978) К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 53–81.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2016) Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. № 3 (45). С. 119–128. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4 (54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59.

Нелюбова, Н. Ю., Семина, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Николаева, Е. К. (2010) О межславянском языковом взаимодействии (на материале пословиц) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Матер. Междунар. науч. конф. (Псков, 22–24 апреля 2010 г.) : в 2-х т. / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. Псков : ПГПУ. Т. II. 278 с. С. 206–211.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Пермяков, Г. Л. (1988) Основы структурной паремиологии. М. : Главная редакция восточной литературы. 236 с.

Радбиль, Т. Б. (2019) Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 23–35.

Селиверстова, Е. И. (2002) Контекстуальное варьирование пословиц — «эталонов» поведения // Слово. Фраза. Текст / гл. ред. В. М. Мокиенко. М. : Азбуковник. 592 с. С. 310–317.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного бинорма и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 182–200.

Селиверстова, Е. И. (2017) Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта ; Наука. 294 с.

Селиверстова, Е. И. (2019) *Свой глаз — алмаз, а чужой — стекло*: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 281–292.

Селиверстова Е. И., Чэнь Вэйцзя (2019) Этномаркированные представления о пользе и вреде лжи в русских и китайских пословицах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 3 (103). С. 167–174. DOI: <https://www.doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.022>

Семененко, Н. Н. (2014) Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремиографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). С. 61–63.

Семенов, Н. Н., Шипицина, Г. М. (2005) Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород : БелГУ. 172 с.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки славянской культуры». 288 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. энциклопедия. 648 с.

У Вэй (2012) Зима в русском паремнологическом пространстве (на фоне китайского языка) // Мир русского слова. № 3. С. 50–52.

Чернышева, И. И. (1997) Старые проблемы в новой лингвистической парадигме // Филологические науки. № 2. С. 76–82.

Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні [Паремнологические системы белорусского и русского языков: сходства и расхождения] // Філолагічны студіі. Вип. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)

Колоіз, Ж. В., Малюга, Н. М., Шарманова, Н. М. (2014) Українська пареміологія / за ред. Ж. В. Колоіз. Кривий Ріг : Криворізький національний університет. 349 с. (На укр. яз.)

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 02.12.2021 г.

REFERENCES

Bayzhanova, N. R. (2004) Metaforicheskiye obrazy, kharakterizuyushchiye cheloveka, v altayskikh poslovitsakh (v sopostavlenii s tuvinskimi) [Metaphors characterizing a person in Altai proverbs in comparison with Tuvan ones]. In: *Iazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the indigenous peoples of Siberia]* / ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova, A. R. Tazranova. Vol. 14. Novosibirsk, NSU. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Baranov, A. N. and Dobrovolskiy, D. O. (2001) Rechevyye formuly v Tezauruse russkoy idiomatiki [Speech formulas in the Thesaurus of Russian idioms]. In: *Frazeografia słowiańska* / Ed. by M. Balowski and W. Chlebda. Opole, University of Opole. 582 p. Pp. 79–92. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [The idea of a woman in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2002) *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]*. Kazan, Kazan University. 196 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2019) *Chelovek i den'gi: Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko [Man and money: Essays on Russian proverbs, and more]*. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies. 296 p. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Parems in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capability]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European parems]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2> (In Russ.).

Egorova, A. I., Chochkina, M. P. and Sarbasheva, S. B. (2019) Psikholingvisticheskiy analiz gendernykh stereotipov v altaiskikh i iakutskikh poslovitsakh [Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2019-2-51-63

Zhukov, V. P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [A dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th ed., stereotype. Moscow, Russian language. 544 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I., Pi Jiangkun (2016) Parametry lingvokul'turologicheskogo analiza paremiy odnogo yazyka na fone drugogo (na materiale russkikh i kitayskikh yedinit) [Parameters of linguoculturological analysis of the paremies in one language against the background of another: the case of Russian and Chinese units]. *Communicative Research*, no. 1 (7), pp. 18–24. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskiy analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, ponyatiya (na yevropeyskom paremiologicheskoy fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, and concepts against a European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Istoriya tuvinskoj literatury [History of Tuvan Literature] (2013). In 3 vols. / ed. by Dongak A. S., Dongak U. A., Kuzhuget M. A. etc., ed. by Kosheleva A. L. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Acad. Sciences. Vol. 1. 266 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2019) Idiomy i paremii s «kolokol'noy» semantikoy: obrazy i smysly [Idioms and paremies with "bell" semantics: images and meanings]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii analiz iazyka. Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh* [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures] / ed. by N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. M., Gnosis. 856 p. Pp. 387–404. (In Russ.).

Krickmann, A. A. (1978) Nekotoryye aspekty semanticheskoy neopredelennosti poslovitsy [Some aspects of the semantic ambiguity of the proverb]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura. Smysl. Tekst)* [A Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure. Meaning. Text)] / ed. by G. L. Permyakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 82–104. (In Russ.).

Kuusi, M. (1978) K voprosu o mezhdunarodnoy sisteme poslovichnykh tipov (Opyt klassifikatsii kolichestvennykh poslovits) [On the international system of proverbial types: An attempt at classification of quantitative proverbs]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura. Smysl. Tekst)* [A paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure. Meaning. Text)] / ed. by G. L. Permyakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 53–81. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2016) Poznavatel'nyy potentsial rusinskikh paremiy na fone russkogo i ukrainskogo yazykov [Cognitive potential of Rusyn paremias against the background of the Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, no. 3 (45), pp. 119–128. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnyye konstanty rusinskoy paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) [Value constants of Rusyn paremiology against the background of Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4, (54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Philological Sciences. Scientific Essays Of Higher Education*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gurmanstvo v ierarkhii tsennosti frantsuzov i bel'giitsev (na materiale poslovits i pogovorok) [Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennosti v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial corpus of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Nikolaeva, E. K. (2010) O mezhslyavskom yazykovom vzaimodeystvii (na materiale poslovits) [On the inter-Slavic language interaction: the case of proverbs]. In: *Russkaia rech' v sovremennykh paradigmakh lingvistiki* [Russian speech in the paradigms of contemporary linguistics]: in 2 vols. / ed. by N. V. Bolshakova, L. Ya. Kostyuchuk, T. G. Nikitina, etc. Pskov, PGPU. Vol. 2. 278 p. Pp. 206–211. (In Russ.).

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Permyakov, G. L. (1988) *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 236 p. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2019) Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoy yazykovoy kartine mira [Faith as the basis of worldview in the Russian language picture of the world]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii*

analiz iazyka. *Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]* / ed. N. D. Arutyunova and M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis. 856 p. Pp. 23–35. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2002) Kontekstual'noye var'irovaniye poslovits — “etalonov” povedeniya [Contextual variation of proverbs — “standards” of behavior]. In: *Slovo. Fraza. Tekst [Word. Phrase. Text]* / ed. by V. M. Mokienco. Moscow, Azbukovnik. 592 p. Pp. 310–317. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyyavleniya poslovichnogo binoma i problema variantnosti [Experience in identifying the proverbial binomial and the problem of variance]. *Russian language in scientific coverage*, no. 1, pp. 182–200. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2017) *Prostranstvo russkoy posloivitsy: postoyanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability]*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Flinta, Nauka. 294 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2019) Svoy glaz –almaz, a chuzhoy –steklo: doverye i nedoveriye u russkikh i chekhov (na primere paremiki) [One's own eye is a diamond, and another's is glass: trust and distrust among Russians and Czechs (paremic implementation)]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii analiz iazyka. Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]* / ed. by N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis. 856 p. Pp. 281–292. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. and Chen Weijia (2019) Etnomarkirovannyye predstavleniya o pol'ze i vrede lzhi v russkikh i kitayskikh posloivitsakh [Ethno-marked ideas about the benefits and harms of lying in Russian and Chinese proverbs]. *Bulletin of Chuvash State Pedagogical University I. Ya. Yakovleva*, no. 3(103), pp. 167–174. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.022>

Semenenko, N. N. (2014) Otrazheniye klyuchevykh simvolov russkogo etnoyazykovogo soznaniya v paremiograficheskoy praktike [Reflection of key symbols of Russian ethno-linguistic consciousness in paremiographic practice]. *Problems of history, philology, culture*, no. 3 (45), pp. 61–63. (In Russ.).

Semenenko, N. N. and Shipitsina, G. M. (2005) *Russkaya posloivitsa: funktsii, semantika, sistemnost' [The Russian proverb: functions, semantics, consistency]*. Belgorod, BelSU. 172 p. (In Russ.).

Telia, V. N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow, School “Languages of Slavic Culture”. 288 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Wu Wei (2012) Zima v russkom paremiologicheskom prostranstve (na fone kitayskogo yazyka) [Winter in the Russian paremiological space against the background of the Chinese language]. *World of the Russian word*, no. 3, pp. 50–52. (In Russ.).

Chernysheva I. I. (1997) Staryye problemy v novoy lingvisticheskoy paradigme [Old problems in the new linguistic paradigm]. *Philological sciences*, no. 2, pp. 76–82. (In Russ.).

Ivanov, Ya. Ya. (2011) Paremiialagichnyia sistemy belaruskai i ruskai moy: padabensvty i razykhodzhanni [The paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and differences]. *Filologichni studii*, vol. 6, part 2, pp. 53–63. (In Belarus.)

Koloiz, Zh. V., Malyuga, N. M. and Sharmanova, N. M. (2014) *Українська пареміологія [Ukrainian paremiology]*. Ed. by Zh. V. Kolois. Kriviy Rig, National University. 349 p. (In Ukrainian)

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, № 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 02.12.2021.